

ПСИХОЛИНГВИСТИКА: ВЗГЛЯД НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ирина Румянцева

(Москва)

У цій статті представляємо міждисциплінарний погляд на психолінгвістику як сучасну науку, розглядаючи її, в дусі нового часу, в концептуальному синтезі з психологією мовлення.

Ключові слова: *сприйняття і формування мовлення, пізнавальні процеси, функціонування мовних знаків в мовленні, мовні явища.*

В этой статье представляем междисциплинарный взгляд на психолингвистику как современную науку, рассматривая ее, в духе нового времени, в концептуальном синтезе с психологией речи.

Ключевые слова: *восприятие и формирование речи, познавательные процессы, функционирование языковых знаков в речи, речевые явления.*

In this article we present interdisciplinary view on psycholinguistic as a modern science, considering it in the spirit of new time, in conceptual synthesis with a psychology of speech.

Key words: *perception and formation of speech, cognitive processes, functioning of linguistic signs in speech, speech phenomena.*

Психолінгвістика или лінгвістическа психологія – концепція єдиної науки

Постановка проблеми. Нам созвучны слова А.А.Леонтьева, который еще на заре психолінгвістики говорил, что «возможна в сущности не одна, а

множество психолингвистик, отвечающих различным пониманиям языка, психики и структуры процесса коммуникации» [15, с.6].

Цель статьи. В этой работе мы предлагаем свою версию подходов к данной науке.

Изложение основного материала. С одной стороны, психолингвистика появилась на свет как новый исторически закономерный виток в сближении лингвистической и психологической наук, с другой же – как отклик на настоятельные требования целого ряда смежных с ней дисциплин, (таких как педагогика, дефектология, медицина (включая нейрофизиологию и психиатрию), криминалистика, политология, наука о массовой пропаганде, коммуникации и рекламе, военная и космическая инженерия и многих других), помочь им в решении прикладных задач, связанных с речью [6, с.21]. Тем не менее, она приобрела, по большей части, не практический, а сугубо теоретический характер и оказалась разобщенной на два лагеря – психологический и лингвистический. Более того, несмотря на все призывы к единению, эта наука трактуется языковедами все же лингвистически, и все, что не вмещается в узкие рамки такого понимания, выводится ими в зону психологии речи.

И если отечественная лингвистическая традиция подчеркивает в психолингвистике языковедческое начало, определяя ее как «науку, изучающую процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотносительности с системой языка» [7, с.404], то А.С.Ребер (A.S. Reber) – автор одного из самых авторитетных американских психологических словарей подчеркивает, что психолингвистика как постоянно развивающаяся научная отрасль, представляет собой неотъемлемую часть психологии; в широком смысле психолингвистика занимается всеми вопросами, имеющими отношение к речевым явлениям любого рода. Подотрасли психолингвистики, отмечает он, включают проблемы овладения речью и обучения речи, психологию чтения и письма, билингвизм, прагматику как науку о функционировании языковых знаков в

речи, теорию речевых актов, вопросы грамматики, взаимоотношения речи и мышления и т.п. В связи со всеобъемлющим характером речевой деятельности и речевого поведения человека, говорит А.С.Ребер, психолингвистика полноправно вторгается и в иные, смежные с собой области, например, такие как когнитивная психология, психология памяти и других познавательных процессов, наука о переработке информации, социолингвистика, нейрофизиология, клиническая психология и т.д. [20, с.615].

Схожий в основных чертах подход к психолингвистике мы встречаем и в отечественном учебнике «Общая психология» под редакцией Е.И. Рогова, где предлагается следующее понимание этого вопроса: «Если язык – объективная, исторически сложившаяся система кодов, предмет специальной науки – языкознания (лингвистики), то речь является психологическим процессом формулирования и передачи мысли средствами языка. Как психологический процесс речь является предметом раздела психологии, называемым «психолингвистикой» [8, с.266].

С нашей точки зрения, говоря кратко, если языковеды, занимающиеся психолингвистикой, пытаются обнаружить психическое в жизни самого знака, то психологи изучают, как этот знак функционирует в психическом – иными словами, можно сказать, что учёные исследуют две стороны одной медали.

Часто между психолингвистикой и психологией речи фактически ставится знак равенства. Такой подход мы встречаем у многих не только прошлых, но и современных исследователей, авторов научных трудов и справочных изданий. Так, например, один из последних академических справочников «Современная психология» под редакцией В.Н. Дружинина (1999) констатирует, что в настоящее время отмечается «мягкое» и свободное использование терминов «психолингвистика», «психология языка» и «психология речи» и что в материалах, публикуемых под данными рубриками, обсуждаются практически идентичные проблемы [13, с.266]. В

справочнике говорится, что «такая терминологическая неустойчивость не случайна – она отражает смену научных представлений ... и в большой мере связана со сближением или, напротив, противопоставлением основных понятий – языка и речи» [13, с.266]. В нем приводятся исторические факты того, что вплоть до XX века сохранялось целостное рассмотрение речевой способности человека, восходящее к идеям В. Гумбольдта и В. Вундта, когда ученые тесно связывали речь и язык, и понятия «психология речи» и «психология языка» употреблялись синонимично. С разграничением Ф. де Соссюром языка и речи (речь он считал явлением преходящим и неустойчивым, а язык – явлением социальным с системной организацией), психология речи была строго отделена от языка и последний передан в ведение лингвистики. «Однако, – отмечается далее в справочнике, – установленные рамки оказались, безусловно, тесными для сколько-нибудь полного и непредвзятого исследования речевой способности человека... В 50-е гг. нашего века преграды между исследованиями языка и речи были преодолены. Возникла психолингвистика – отрасль науки, направленная на сближение и соединение лингвистических и психологических данных... В терминологическом же плане все исследования, которые прежде относились к кругу психологии речи или языка, квалифицируются теперь как психолингвистические» [13, с.266].

Для подобных точек зрения, на наш взгляд, имеются самые веские основания, поскольку часто, особенно в экспериментальных условиях, провести четкую границу между этими дисциплинами, т.е. психолингвистикой и психологией речи, бывает невозможно.

Признавая право на жизнь всех вышеописанных мнений, мы подчеркиваем, что наша работа по исследованию речи и созданию системы ее обучения являлась симбиозом теории, эксперимента и практики. Поэтому она проводилась комплексно, как в русле психологии речи (в контексте общей психологии), так и в русле психолингвистики, понимаемой нами расширенно – как концептуальный синтез обеих наук. Здесь хотелось бы

вспомнить мудрые слова А.А. Потебни, украинского и русского филолога и философа, который еще в середине 50-х годов XIX века также приветствовал «сближение языкознания с психологиею, при котором стала возможна мысль искать решения вопросов о языке в психологии и, наоборот, ожидать от исследований языка новых открытий в области психологии, возбуждая новые надежды...» [9, с.45]. А.А. Потебня мечтал о создании науки, которая называлась бы «лингвистической психологией». Казалось бы, психолингвистика явилась на свет как воплощение ожиданий и чаяний ученого. Но, к сожалению, в связи с логичным и общим для последующего этапа истории развитием разных дисциплин не вширь, а вглубь, доскональной их детализацией, отечественная психолингвистика оказалась зажатой, по большей части, все в тех же в узких рамках языкознания. И как бы не хотелось поверить в замечательные слова в справочнике по психологии под редакцией В.Н. Дружинина о соединении в психолингвистике лингвистических и психологических наук и в выдвинутый там тезис, что разделение «речь – объект психологии, язык – лингвистики» в настоящее время теряет свою силу, на деле (в силу устоявшихся традиций обеих наук, особенно языкознания) такое положение до сих пор остается спорным.

Наша работа – это попытка сделать данный тезис былью. Она навеяна свежим дыханием времени и связана с настоятельными требованиями жизни, приблизить, по возможности, теоретическую психолингвистику к реальному человеку. Это стало вероятным лишь в результате ее закономерного расширения в сторону психологии, их синтетического, но естественного слияния, что позволило максимально раздвинуть границы исследования и свободно и непредвзято рассматривать такое сложное, многогранное и многоплановое явление как речь.

Нам кажется, что термин А.А.Потебни «лингвистическая психология», с таким провидением предсказанный им еще 150 лет назад, оказался как никогда актуальным в наши дни и наиболее точно и полно раскрывает суть

нашей работы. Впрочем, и термин психолингвистика, в широком его понимании, тоже вполне органично отражает ее содержание.

Психолингвистика представляется нам наукой воистину междисциплинарной, основной задачей которой является комплексное, интегративное изучение речи – во всей многогранности ее лингвистических и психических сторон.

Об определении психолингвистики, ее объекте и предмете

Говоря об имеющихся определениях психолингвистики, необходимо напомнить, что долгое время ее синонимом в нашей стране была «теория речевой деятельности», родоначальником которой признан А.А.Леонтьев. Одно из его определений 60-х годов, в котором говорится, что «предметом психолингвистики является речевая деятельность как целое и закономерности ее комплексного моделирования» [6, с.18], и послужило, собственно, причиной такого синонимичного употребления терминов. Понятие «речевая деятельность» стереотипно входит в абсолютное большинство существующих отечественных определений психолингвистики.

Обратимся к ряду иных определений психолингвистики, встречаемых как в нашей, так и в зарубежной литературе. Если не фиксировать внимание на самых общих и всеобъемлющих дефинициях, часто попадающихся на Западе и в стиле бихевиоризма, таких как, например, у А.С.Ребера, который считает, что «в широком смысле психолингвистика занимается всеми вопросами, имеющими отношение к речевым поведением любого рода» [20,с. 615], то одна из самых кратких и отмечающих, в какой-то мере, ее прикладной характер – принадлежит С.М.Эрвин-Трипп и Д.И.Слобину (S.M.Ervin Tripp & D.I. Slobin). Они определили психолингвистику как «...науку об усвоении и использовании структуры языка» [19, с.435]. Данное определение достаточно поверхностно и механистично, если принять к сведению все обсуждаемое выше, ибо усвоить и использовать структуру языка человек может и словно робот, однако речью это ни в коей мере не станет.

Как отмечалось выше, отечественная психолингвистика практически вся без исключения продолжает традиции «речевой деятельности», с точки зрения которой и даются определения самой психолингвистики и, таким образом, по нашему мнению, сужается как ее предмет, так и сам объект. Так А.А.Леонтьев утверждает, что «объектом психолингвистики, *как бы его ни понимать, всегда* (курсив наш – И.Р.) является *совокупность речевых событий или речевых ситуаций*» [6, с.16]. Здесь, несмотря на стремление автора определения к широкому обобщению, объект психолингвистики представлен лишь во внешнем и достаточно узком плане. «Речевое событие» и «речевая ситуация» (как и любое событие и ситуация) – это всегда уже внешний результат, но ему предшествуют и в него включаются внутренние процессы, такие как восприятие и порождение речи на глубинных психофизиологическом и психическом уровнях, и это тоже, по нашему мнению, а может быть в первую очередь, является объектом психолингвистики.

Кроме того психолингвистика в трактовке лингвистов, отмечая все больший поворот данной науки в сторону «антропоцентризма» [1, с.62], т.е. человека, остается тем не менее достаточно традиционной «языковой», т.е. повернутой в направлении знака и абстрагированной от человека, областью знаний. В качестве иллюстрации такого утверждения приведем следующее определение. Так Е.С.Кубрякова пишет: «В психолингвистике ... в фокусе постоянно находится связь между содержанием, мотивом, и формой речевой деятельности, с одной стороны, и между структурой и элементами языка, использованными в речевом высказывании, с другой» [5, с.18]. В данном определении вновь фигурируют всего две стороны – речевая деятельность (хотя и представленная в развернутой формулировке) и язык.

«Предметом психолингвистики, – говорится в работе Б.Е.Арамы и А.М.Шахнарвича, – является изучение природы и структуры языковой способности и ее реализации в речевой деятельности, взаимосвязей языка как системы с языковой способностью человека, обеспечивающей «жизнь» этой

системы» [1, с.63]. Это определение кажется нам намного удачнее, если бы языковая способность как предмет психолингвистики не рассматривалась здесь скорее лишь лингвистически и не ограничивалась опять-таки рамками речевой деятельности.

Наконец, остановимся на одном из последних определений А.А.Леонтьева, который пишет: «Предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой» [6, с.19]. Данное определение мы могли бы принять практически полностью, если бы заменили в нем термин «речевая деятельность» на более широкий и емкий термин «речь», в котором речевая деятельность, по нашему мнению, занимает хоть и достойное, но не единственное место. Ведь, в сущности, под речевой деятельностью, согласно А.А.Леонтьеву и его последователям, и понимается сам феномен речи.

Как мы уже не раз отмечали, с «деятельностной» трактовкой речи (ни в коей мере полностью не отвергая ее) мы согласны лишь частично. Напомним, что в русле нашего расширенного междисциплинарного исследования, мы рассматриваем речь не только как *речевую деятельность и средство общения, но и как высшую психическую функцию человека, его психический и психофизиологический процесс*. Неоднократно сформулировав в своих работах данное определение, мы с удовлетворением обнаружили в одном из последних изданий трудов Л.М.Веккера (выдающегося отечественного психолога, вынужденного эмигрировать в свое время в США, но, к счастью, активно печатаемого в нашей стране теперь) дефиницию речи, во многом перекликающуюся с нашими собственными взглядами и идеями. В данном издании под названием «Психика и реальность: единая теория психических процессов» Л.М.Веккер подчеркивает, что *«речь как средство общения, акт деятельности и психический процесс»* (курсив наш – И.Р.), т.е. как тесно связанные между собой три аспекта речи, ... до недавнего времени изучались порознь» [3, с.610]. Далее он пишет, что «современная наука – это

является одним из ее существенных достижений – позволяет охватить единым концептуальным аппаратом все три аспекта речи» [3, с.610].

Именно эту задачу, рассматриваемую Л.М.Веккером как наиболее актуальную и которую мы сами поставили перед собой, приступая к данному исследованию, мы и стараемся решить в нашей работе. С теми лишь оговорками, что мы рассматриваем речь не только как психический, но и психофизиологический процесс (ведь хотя эти процессы и напрямую связаны, тем не менее несколько отличны: психофизиология изучает психику в единстве с ее нейрофизиологическим субстратом), а также не как акт деятельности, что подчеркивает некоторую единичность речевого действия, а просто деятельность или даже особого рода активность, ибо речь может быть не только внешней, но и внутренней, на акты плохо разделяющейся, и в речи присутствует множество механизмов, на уровне сознания не работающих. Кроме того мы считаем возможным рассматривать речь также как особого рода (речевое) поведение человека и психическое свойство его личности. В своем подходе к речи мы выдвигаем тезис *единства семиотической системы, психики, психофизиологии, поведения и деятельности*. Таким образом мы пытаемся «охватить единым концептуальным аппаратом» не три, а по крайней мере пять аспектов речи, причем с подаспектами: так, например, психика представляет собой единство когнитивных, эмоциональных и волевых процессов, психических свойств и состояний личности; она представляет собой единство сознательного и бессознательного, впрочем, как сознательным, так и бессознательным может быть и поведение человека (в том числе речевое), т.е. внешнее проявление его психики.

Такое широкое понимание речи важно для нас потому, что в первую очередь, мы подходим к этому явлению в прикладном плане, практически – нам необходимо в кратчайшие сроки обучить взрослых людей иноязычной речи, и сделать это нужно наиболее эффективно и результативно. Задача такого уровня сложности подлежит решению в одном единственном случае –

если постараться как можно глубже проникнуть в сущность явления (конкретно для нас – речи) и попытаться разгадать замысловатые принципы действия его законов. Великий психолог и педагог К.Д.Ушинский писал: «Мы не говорим педагогам – поступайте так или иначе; мы говорим им: изучайте законы тех психических явлений, которыми вы хотите управлять, и поступайте, соображаясь с этими законами и теми обстоятельствами, в которых вы хотите их приложить» [16, т. 5, с. 36].

Наше понимание речи было выведено не только на основании прочтения и переосмысления большого количества книг, но и на основании интуиции и эксперимента – многолетнего и тщательного наблюдения за несколькими сотнями людей, овладевающими с нашей помощью иноязычной речью. И именно на таких предпосылках, выраженных К.Д.Ушинским, и комплексном понимании речи, выстраданном нами в результате кропотливой теоретической, экспериментальной и практической работы (сформулированном выше), и построена наша система обучения иноязычной речи взрослых людей, которую мы считаем психолингвистической; и те тренинги, которые входят в интегративный комплекс этой системы, оказываются действенными именно в силу того, что охватывают и развивают у человека все множество речевых граней.

Для нас овладение человеком иноязычной речью означает, что она стала неотъемлемой частью его самого, его мыслей и чувств, его сознания и подсознания; что она вошла в психику человека естественно и органично, и он управляет ею не только на уровне осознанности, но и не задумываясь, на уровне автопилота. Научиться оперировать языковыми знаками, конструировать из них фразы и даже целые тексты, можно чисто механически, как и математическими символами, однако такое говорение, хоть и может являться по целому ряду признаков речевой деятельностью, собственно речью еще не будет. «Речь, – пишет Рубинштейн, – полноценная речь человека – не система знаков, значение и употребление которых может быть произвольно установлено и выучено, как выучиваются правила

оперирования алгебраическими знаками...» [11, с.397]. Для овладения подлинным словом, добавим мы, необходимо, чтобы оно было не просто выучено, а стало органичной частью, не только памяти человека, но и всей его психики, состоящей как из сознательных, так и бессознательных зон. Все психические процессы (без исключения), как когнитивные, так и эмоциональные, не просто сопряжены с речью и служат помощниками в ее образовании, но и являются непрменными речевыми составляющими. Горячо отстаивая данный тезис, ибо, как мы сказали, он был сформулирован и проверен нами в ходе многолетней экспериментальной и практической работы, мы опять-таки нашли подтверждение нашим идеям в работе Л.М.Веккера, который говорит о «единой теории всех психических процессов», включая и даже выдвигая на первый план речь, называя эти процессы «сквозными», в том смысле, что они не только взаимопроникаемы, но и едины [3, с.491, с.605-606].

Иноязычная «выученная речь», успехов в которой добились только за счет осознанной познавательной деятельности, основанной на работе произвольного внимания и памяти, но которая не стала органической частью всей психики человека, но которую многие (особенно педагоги) по традиции называют речевой деятельностью, недаром бывает искусственной и скованной. Чаще всего ее характеризует русскоязычный акцент и такое же русскоязычное построением фраз (на этот счет даже возникло крылатое выражение «смесь французского с нижегородским») – человек строит эту речь из языковых знаков как домик из кирпичей, осознанно и целенаправленно, сообразуясь, главным образом, с законами и моделями родного языка, но ни о каком автоматизме, порождаемом работой бессознательных пластов психики, говорить не приходится. Люди, учившие язык таким конструктивистско-механистическим способом, испытывают большие сложности и с пониманием речи (многие утверждают, что они просто ее не «слышат», речь представляется им неразборчивым шумом), а дело в том, что при их обучении естественные законы восприятия речи,

первичные при овладении речью, не только не учитывались, но и были нарушены. Для нас ученик овладевает иноязычной речью тогда, когда ему вдруг начинают сниться сны на иностранном языке, когда, неожиданно для себя, человек замечает, что он стал на нем думать, и когда осознает, что ему намного проще написать письмо или сочинить рассказ прямо на иностранном языке, а не переводить с русского – в обыденной жизни такое владение иностранным языком называется свободным.

Когда мы думаем о назначении психолингвистики, то считаем одной из первейших ее задач помогать людям в овладении иноязычной речью в той степени свободы, о какой мы только что говорили. И именно поэтому стараемся разобраться не только во внешних, но и во внутренних психических законах речи, которые работают как на уровне сознания, так и подсознания, полагая, что и те и другие должны явиться предметом психолингвистического изучения.

Исходя из всего вышесказанного, мы предложили бы следующее определение психолингвистики. *Психолингвистика – это наука о человеческой речи, рассматриваемой комплексно – психологически и лингвистически: как средство общения (т.е. языковой код, языковая система), психический и психофизиологический процесс, речевая деятельность и поведение, особое свойство человеческой личности.* Предметом и объектом психолингвистики, соответственно, является речь во всей многогранности ее лингвистических и психических сторон.

Речь: индивидуальное и социальное. О психолингвистических универсалиях: языковое и психическое

У отечественных психолингвистов-языковедов настолько сильны до сих пор «сосюровские» традиции чистой лингвистики, что даже в своих психолингвистических работах, несмотря на настоятельные требования времени к объединению языкознания с психологией, они стараются эти области науки развести как можно дальше, а в своих исследованиях речи выделять только лингвистические феномены. Эти традиции, восходящие к

дихотомии «язык-речь», отражаются в стремлении все противопоставить. Так, например, мы встречаем в одной из работ такие положения: «1. Лингвистика противопоставляет язык как систему языку как процессу (речи)... 2. Современная психология речи противопоставляет механизм (языковую способность) и процесс (речевую деятельность)... 3. Для психолингвистики характерно противопоставление языка как системы и языка как способности (языка как речевого механизма)» [1, с.62-63]. А так же, отмечая современный виток в развитии психолингвистики, предлагается противопоставление – «триада «язык – языковая способность – речевая деятельность» [1, с.62].

Не будем спорить, противопоставления исследуемых явлений на начальных, аналитических, стадиях их изучения и на определенных уровнях развития науки вполне оправданы и даже необходимы, поскольку позволяют, абстрагируясь от самого феномена, строить его аппроксимированные модели с целью изучения принципов функционирования этого феномена. Однако аналитический этап исследования всегда предполагает последующий этап синтеза, и современный уровень развития науки не только допускает, но и настоятельно требует приступить к его осуществлению, потому что настало время (и современные научные данные этому способствуют) уже не противопоставлять, а объединять и рассматривать исследуемые явления не только во всей их полноте и многогранности, но и с применением данных смежных наук, т.е. междисциплинарно.

Далее в цитируемой работе указывается, что «следует различать: а) язык как абстрактную наиндивидуальную систему, б) языковую способность как механизм (функцию индивида), и в) речь как индивидуальный акт реализации языковой способности» [1, с.63]. Данные положения нас заинтересовали, поскольку показались дискуссионными: речь рассматривается в них не как феномен, принадлежащий человеку, а точнее людям вообще, которые, несмотря на массу индивидуальных особенностей (в том числе речевых), обладают целым рядом общих (в нашем случае речевых)

черт, а некому индивиду, т.е. человеку, наделенному по определению особыми, характерными только ему личностными качествами.

Надо сказать, что такое понимание, когда язык квалифицируется как явление обобщенное, социальное, а речь – как явление индивидуальное, широко распространено в современном языкознании не только со времен Ф. де Соссюра, но и со времен намного более ранних – с середины XIX века. Хотя воззрения лингвистов того времени и Ф. де Соссюра кардинально различались, и речь была отнесена теми и другим к явлению индивидуальному совершенно по различным причинам, тем не менее и по сей день, как результат, в языкознании сохранился вывод – речь принадлежит индивиду.

Если «лингвисты второй половины XIX и начала XX века, преодолевая универсализм ... натуралистов (Шлейхер), все более и более углублялись в исследования языковых фактов и доводили свои исследования до речи отдельного человека», и таким устремлениям – «довести исследования до индивида» – способствовали «успехи новой науки – психологии», причем в крайнем своем проявлении такие усилия «доходили до отрицания языка как достояния коллектива» [10, с.26], то воззрения Ф. де Соссюра были совершенно обратными. Основные их положения сводятся к следующему: чтобы понять, что такое язык, говорил Ф. де Соссюр, «надо отойти от индивидуального акта и подойти к явлению социальному» [13, с.37]. Он писал: «Изучение языковой деятельности распадается на две части: одна из них, основная, имеет своим предметом язык, т.е. нечто социальное по существу и независимое от индивида... другая – второстепенная, имеет предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, т.е. речь, включая говорение» [13, с.42]. Подчеркивая социальность языка и индивидуальный характер речи, Ф. де Соссюр утверждал, что язык есть «социальный элемент речевой деятельности вообще, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать язык, ни его

изменять» [13, с.39], а явление речи «всегда индивидуально, и в нем всецело распоряжается индивид; мы будем называть его речью (parole)» [13, с.38].

Так или иначе, в сознании лингвистов закрепились формулы – язык социален, речь индивидуальна.

Совершенно очевидно, что при подобном толковании речь становится явлением, лишенным универсальных свойств, не подлежащим абстрагированию и научному обобщению, между тем – это не совсем так. Речь, безусловно в чем-то индивидуальна, т.к. принадлежит каждой отдельной личности и несет на себе отпечаток индивидуальных свойств этой личности, но она и явление социальное, если посмотреть на нее глазами науки сегодняшнего дня. Такое положение особенно существенно в нашей работе, ибо ее цель – создание обучающей системы иноязычной речи, ведь если речь индивидуальна, то вряд ли ей можно научить других людей.

Мы считаем очень важным отметить, что если лингвисты, даже психолингвисты, подходят к речи как к готовому произведению и изучают ее с точки зрения описания языковых средств (при этом уже не столь важно, что это речь индивида и как ее называть – говорение или речевая деятельность: ведь она несет в себе лингвистические, т.е. универсальные, свойства и других индивидов данного языкового сообщества и эти свойства в этой речи лишь оживают, проявляются), то мы подходим к речи как бы с обратной стороны. Перед нами стоит совершенно противоположная задача – нам нужно эту речь в индивиде «породить», причем не в одном, а сразу в нескольких – в целой группе индивидов. И если признать, что речь – это явление не только лингвистическое, но и психическое, то для того, чтобы она стала для каждого человека в группе речью личной, индивидуальной – неотъемлемой частью его ума и души, нам нужно обнаружить в этой речи те универсальные, помимо языковых, психические функции, которые составляют основу речеобразовательных механизмов, и развить их в индивидуальном направлении.

Отмечая «индивидуалистическое» направление психологии середины XIX – начала XX века, необходимо сказать, что среди всего множества работ были и такие, которые подчеркивали не только «индивидуальность», но и «социальность» речи. К таким выдающимся трудам принадлежат, в частности, работы И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, Л.В. Щербы. Так И.А. Бодуэн де Куртенэ в статье «Языкознание или лингвистика, XIX в.» (1901) писал, что «кардинальным требованием объективного исследования должно быть убеждение в безусловной психичности (психологичности) и социальности (социологичности) человеческой речи» [17, с.482], и в этой связи психология именуется у него базисной наукой языкознания. Он призывал проводить речевые исследования не с точки зрения индивидуальной психики, а с точки зрения опытной, экспериментальной психологии как науки объективной, имеющей дело с изучением отражения внешних воздействий на психическую жизнь человека [17, с. 483]. Эти идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ развивал в своих работах Л.В. Щерба. В частности, он пишет статью «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [18], где выделяет в языковых явлениях три основных аспекта: 1) «словари и грамматики языков, созданные в результате умозаключений, которые делаются на основе всех (в теории) актов говорения и понимания в некоторую эпоху жизни общественной группы» – то, что можно назвать системой языка, 2) «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке, в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы» – т.е. то, что Л.В.Щерба называл «языковым материалом», но что в современном понимании можно назвать и речью, 3) «психо-физиологическую речевую организацию индивида», и хотя термин «индивид» переключался во многие труды современных лингвистов в смысле «индивидуальный», Л.В.Щерба подразумевал в нем и социальный оттенок. Это станет очевидным, если почитать, например, другие его работы. Так, обсуждая фонетический метод в языкознании, Л.В.Щерба писал: «Строго говоря, единственным фонетическим методом является метод субъективный,

так как мы всегда должны обращаться к сознанию говорящего на данном языке индивида, раз мы желаем узнать, какие фонетические различия он употребляет для целей языкового общения, и другого источника, кроме его сознания, у нас вовсе не имеется» [17, с.452]. Если остановиться в цитировании на данных словах и вырвать цитату из контекста, то покажется, что Л.В. Щерба говорит именно об индивиде, но послушайте, о чем он пишет далее. «Для лингвиста, – подчеркивает Л.В. Щерба, – драгоценны все, хотя бы самые наивные заявления и наблюдения туземцев (во множественном числе – И.Р.) – они в большинстве случаев, при надлежащей их интерпретации, имеют гораздо больше цены, чем наблюдения ученых исследователей, принадлежащих к другой языковой группе» [17, с.452]. Таким образом, употребляя термин индивид, Л.В.Щерба вкладывает в него и собирательный смысл. И это всегда нужно понимать экспериментаторам, ведь для объективации метода и его результатов, необходимо привлечь не просто индивида, а большую и репрезентативную группу индивидов – только тогда исследование можно будет назвать строго научным. Признавая глубину мыслей и идей Л.В.Щербы, их актуальность и для науки сегодняшнего дня, мы призываем лишь более осторожно пользоваться формулировками ученого, ибо они были созвучны его времени.

Тем не менее, если психология середины XIX – начала XX века находилась все же на стадии детализации индивидуальных психологических явлений, что в крайнем своем выражении приводило к отрицанию в них социального, то психология сегодняшнего дня стремится к обнаружению в индивидуальном того типологически общего, социального, что может служить основой, ориентиром в создании различных обучающих, коррекционных и лечебных программ. Хотя эти программы и личностно центрированы, т.е. направлены на развитие каждой отдельной личности, они опираются на общие закономерности развития психики. Если подходить к психолингвистике как к науке о речи также с сегодняшних позиций, то надо признать, что социальным является не только язык, но и огромная доля

психического, чем речь характеризуется. В случае же допущения, что универсальным, наиндивидуальным, является только язык как система, то говорить о психолингвистических и психологических методах обучения иноязычной речи не приходится: она может изучаться лишь как языковой код, как лингвистический предмет, ибо в такой трактовке все остальное в речи выносится в зону нестабильного, индивидуального, преходящего.

По нашему мнению, если психолингвистика наука, то и все ее объекты, и речь в том числе, являются понятийными, абстрактными, они не могут быть индивидуальными или субстанциональными. А.А.Леонтьев справедливо заметил, что объектом науки является «*совокупность* (курсив наш – И.Р.) индивидуальных объектов научного исследования», а «система абстрактных объектов» образует ее предмет [6, с.7].

Не спорим, речь, конечно же, принадлежит каждой отдельной личности, но она, как социальный, психофизиологический и психический феномен, принадлежит и всем людям. Поэтому речь является не только индивидуальным объектом исследования, но объектом именно совокупным, и ее предметом служит целая система абстрактных объектов – языковая и речевая способность, процессы восприятия и порождения речи, которые представляют психолингвистические универсалии. Определение же речи «как индивидуального акта реализации языковой способности» [1, с.63] может быть верным только лишь относительно частного речевого случая, но не для общей, итоговой формулировки. Так мы можем сказать, что речь спикера при открытии заседания Государственной Думы – это индивидуальный речевой акт и реализация языковой способности спикера как индивида. Но когда мы говорим, что речь человека отличается от речи обезьян, птиц и дельфинов, мы имеем в виду общечеловеческую способность воспринимать, порождать и использовать речь в качестве средства общения. Способностью к речи обладают не только индивиды, но вообще все здоровые люди, независимо от расовой, национальной или половой принадлежности. Эта речь человека представляет не только язык как универсальный код для

общения определенной национальной группы, но и высшую психическую функцию человека, работу его психофизиологических процессов и это, несмотря на множество индивидуальных особенностей, так же универсально, как и язык. Языковая способность человека – это тоже психолингвистическая универсалия, а не только механизм или функция индивида.

Справедливости ради, нужно отметить, что концепция соссюрковского разграничение науки на язык – речь, где язык представлялся системной организацией, а речь определялась как нечто индивидуальное, преходящее и неустойчивое, в последнее время стала подвергаться, особенно со стороны психологов, достаточной корректировке. Впрочем для традиционных лингвистов это не имело (да не имеет порой и сейчас) особого значения, ибо единственным объектом, достойным научного изучения ими считался только язык. Все остальное (в том числе саму речь) традиционная лингвистика отринула и исключила из своего научного арсенала, причислив к рангу явлений экстра- или паралингвистических. Новое свежее течение в языкознании в сторону расширения своих интересов (прежде всего в сторону психологии), приближения этой науки к человеку, порождающему, воспринимающему и использующему язык, бурное развитие психолингвистики как особого раздела языкознания, возвращает законное место речи в сфере приоритетов данной науки. Тем не менее малоисследованность самого феномена речи, недостаточное понимание его законов и природы, приводит еще подчас к искажениям и неточностям в речевых определениях и формулировках.

Корни таких неточностей следует искать в смешении уровня субстанционального, относящегося к самому явлению – объекту исследования, с уровнем, представляющим собой результат исследования – абстрактными понятиями и моделями научного познания, которое наблюдается в языкознании весьма часто и всегда приводит к путанице при интерпретации взаимоотношений языка и речи. Уже на самом раннем этапе развития языкознания наметилась тенденция к разграничению самого

явления речи, и понятий науки, познающей это явление. Отсюда именно происходит классическая дихотомия: язык – речь. Раздел сфер материальной и научно-абстрактной Ф. де Соссюр закрепил в известной недвусмысленной формулировке о том, что лингвистические (языковые) ценности «характеризуются свойством не смешиваться с осязаемым элементом, служащим им качестве субстрата» (речью) [13, с.114-117]. Позже совершенно правильный тезис Ф. де Соссюра был истолкован некоторыми лингвистами, главным образом, в том духе, что этот субстрат представляет для языка нечто вторичное, и с этим вторичным языковед может и не считаться, лишь бы языковая модель была удобной, симметричной и экономной. Таким образом, лингвистическую, научную сферу стал составлять исключительно язык, о чем Ф. де Соссюр говорил прямо: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для самого себя» [13, с.7].

Психолингвистика, родившаяся достаточно поздно, но вернувшаяся в каком-то смысле к идеям В. Гумбольдта, А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртене [4; 9; 2], которые писали о «психической сущности человеческого языка», расширила как объект, так и предмет своего исследования до уровня речи, относившейся по логике Ф. де Соссюра исключительно к субстрату.

Выводы. Той речи, которую на самом деле нужно рассматривать не просто как субстрат и «функцию индивида» [1, с.63], а как функцию целого класса индивидов, т.е. общечеловеческую, и как объект, достойный психолингвистического исследования. Более того, сегодняшней психолингвистике необходимо стремиться к все большему стиранию граней между собой и психологией речи, т.к. современный уровень прикладных психолингвистических задач требует многостороннего, комплексного их решения.

Литература

1. Арама Б.Е., Шахнарович А.М. Интонация и модальность. М.; Тамбов, 1997.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963.
3. Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 2000.
4. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
5. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
8. Общая психология (Курс лекций) / Сост. Е.И. Рогов. М., 1998.
9. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М., 1999.
10. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1960.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
12. Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М., 2004.
13. Современная психология: Справочное руководство / Отв. ред. В.Н. Дружинин. М., 1999.
14. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
15. Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики). М., 1968.
16. Ушинский К.Д. Соч.: В 6 т. М., 1990.
17. Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П. Филина. М., 1973.
18. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Изв. АН СССР, Сер. 7, 1931. № 1.
19. Ervin-Tripp S.M., Slobin D.I. Psycholinguistics // Annual Review of Psychology, 1966. V. 17.
20. Reber Arthur S. The Penguin Dictionary of Psychology. London: Penguin Books, 1995.